Тимур Ю. Бочаров
Европейский Университет в Санкт-Петербурге, Россия

Адвокатская профессия как сообщество практики

В статье представлены результаты исследования профессионального сообщества российских адвокатов. На сегодняшний день адвокаты, если сравнивать с другими группами юристов в России, ближе всего подошли к классическому понятию профессии: у них есть свой этический кодекс, дисциплинарный суд, квалификационные экзамены, ритуалы посвящения, а также свое корпоративное тело — профессиональная ассоциация. Однако делает ли наличие всех этих элементов адвокатов единым профессиональным сообществом? В статье предпринята попытка взглянуть на адвокатскую профессию с точки зрения практик, которые осуществляют ее представители, а не внешних атрибутов. В социологии профессий эта смена угла зрения связана с концепцией «сообщества практики». В этой перспективе адвокатов сообществом делает не членство в одной ассоциации, а разделяемые интересы, общий практический опыт и негласные правила ведения дела. Ключевым навыком, конституирующим адвокатскую профессию, является устное выступление в суде. С одной стороны, этот навык проводит границу между профессионалом и обывателем. С распространением шаблонов составление юридических документов (по крайней мере, типовых) перестает быть прерогативой юристов. С другой стороны, этот навык отличает адвокатов от других юристов, преимущественно работающих с документами — например, следова-

Бочаров Тимур Юрьевич — LLM, Университет Манчестера (программа в Московской высшей школе социальных и экономических наук), MA in Sociology, Европейский Университет в Санкт-Петербурге, младший научный сотрудник Института проблем правоприменения при Европейском Университете в Санкт-Петербурге. Научные интересы: социология права, социология повседневности, сравнительное частное право, гражданский и арбитражный процесс. E-mail: tbocharov@eu.spb.ru
Timur Yu. Bocharov — LLM, University of Manchester (program at Moscow School of Social and Economic Sciences), MA in Sociology, European University at St. Petersburg, Junior researcher, Institute for the Rule of Law of the European University at Saint-Petersburg. Reserch interests: Sociology of Law, Sociology of Everyday Life, Comparative Private Law, Civil Procedure. E-mail: tbocharov@eu.spb.ru
Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта «Социологическое исследование юридической профессии в России», код 14-18-02219. Некоторые фрагменты данной статьи будут опубликованы в монографии «Быть адвокатом в России: социологическое исследование профессии», которая выйдет из печати в декабре 2016 г. (авторы — Т. Бочаров, Е. Моисеева)

теля или штатного юрисконсульта в организации. Однако в сравнении с другими судебными представителями отличия будут уже не так заметны. Практики работы при ведении дела в суде будут в основе своей схожими. Для обычного человека граница между адвокатами и сотрудниками юридических фирм размыта, но для формирования профессиональной идентичности адвокатов демаркационные линии крайне важны. В статье рассматриваются символические границы, которые выстраивают современные адвокаты для отграничения себя от представителей других групп юридической профессии.

Ключевые слова: Социология юридической профессии, сообщество практики, профессиональная идентичность, экспертное знание, символические границы

***Timur Bocharov**, European University at St. Petersburg*
Advocates' profession as a community of practice

The article presents the study of the professional community of Russian advocates. Nowadays, advocates came closest to the classical notion of the profession compared to other groups of lawyers in Russia. They have their own code of ethics, disciplinary court, qualification exams, initiation rituals, as well as its corporate body — a professional association. But do all these elements create a single professional community of advocates? The article attempts to look at the advocates' profession in terms of practices not the trappings. In sociology of professions, this change of paradigm is associated with the concept of «community of practice». From this point of view, the advocates' community is formed by shared interests, practical experience and unspoken rules of conducting cases. The key skill constituting the advocates' profession is an oral statement to the court. On the one hand, this skill draws the line between a professional and a lay person. Drafting of legal documents (at least, typical) ceases to be the lawyers' prerogative since now everyone can find a plenty of templates online. On the other hand, this skill distinguishes advocates from other lawyers, who work mainly with documents — for example, from investigators or in-house lawyers. However, the differences between advocates and other legal representatives will be not so noticeable. Basically, their work practices in courts are very similar. Ordinary citizens often do not see any differences between advocates and unlicensed litigators. Nevertheless, demarcation lines are extremely important as a mean of the professional identity construction. The article focuses on the symbolic boundaries by which modern advocates differentiate themselves from other groups of legal profession.

Keywords: Sociology of legal profession, community of practice, professional identity, expert knowledge, symbolic borders

Сейчас он чувствовал: произошло нечто большее, чем поступление на работу в адвокатскую контору; он точно вступал в братство по крови, союз проклятых адвокатов. Крепостью их стал закон и Процессуальный кодекс, оружием их был Уголовный кодекс и ораторское искусство.
Эндрю Найдерман, «Адвокат Дьявола»

Введение

Юридическая профессия хорошо изучена в рамках социологии, ей может составить конкуренцию разве что профессия медика. Такое пристальное внимание связано с тем, что эти две сферы деятельности — профессии par excellence, т. е. с полным набором атрибутов, которые принято связывать с понятием «профессия»: лицензия на право заниматься своей деятельностью, ассоциация, этические нормы, учебные программы, квалификационные экзамены. Все эти атрибуты имеются и у российских адвокатов, но можно ли говорить о них как о профессиональном сообществе? В истории профессий не так редки случаи, когда та или иная деятельность имеет все внешние признаки профессии, но нет того внутреннего духа, который бы объединял представителей этого вида занятости в одно целое.

Например, в подобном положении находилась инженерная профессия в XIX и первой половине XX вв. в Германии [Gispen, 2002] и в США [Perrucci, Gerstl, 1969]. Инженеры в этих странах уже выработали все элементы, характерные для профессии, но самоощущения как единого сообщества еще не возникло. В первую очередь тому препятствовало резкое разделение на инженеров, занимавшихся наукой, и инженеров-практиков, задействованных в промышленности. Это были два разных мира практической деятельности, которые формировали разные профессиональные сообщества. Есть ли подобное размежевание в адвокатской среде — например, между адвокатами по уголовным делам и адвокатами, ориентированными на предоставление услуг бизнесу? По умолчанию каждый адвокат (независимо от специализации) состоит в адвокатской палате, существуют единые ритуалы вхождения в профессию, но ощущают ли себя ее представители частью единой корпорации? В статье рассматриваются эти вопросы на основе социологического исследования российских адвокатов, которое проводилось в период с 2013 по 2016 г.

Социология профессиональных сообществ

Вопрос о том, что именно соединяет группы людей в единое целое, в наиболее фундаментальном виде был поставлен свыше ста лет назад немецким социологом Фердинандом Теннисом в книге о двух формах социальных связей — «сообществе/общности» (Gemeinschaft) и «обществе» (Gesellschaft) [Теннис, 2002]. В истоке этих идей лежали нарастающая с конца XIX в. урбанизация и разрушение сельского уклада жизни, а с ним и тесных межличностных отношений. С точки зрения Тенниса, *сообщества* отличает органическая связь и близость между людьми, тогда как *общества* являются

механическими агрегатами индивидов, где господствуют рациональные отношения. Здесь надо подчеркнуть, что речь идет именно о двух типах качественной связи, а не о делении групп по принципу масштаба или территории[1]. Поэтому, хотя профессиональные группы не имеют локации и их границы бывают размытыми, в социологии применительно к ним закрепилось понятие «сообщество».

Наиболее широко концепт «профессиональное сообщество» начал использоваться с середины XX в. в структурном функционализме, где под сообществом имелась в виду подструктура «большого» общества, выполняющая определенные функции по отношению к нему. В такой перспективе профессиональное сообщество должно обладать определенным набором признаков, которые позволяют его очертить. Например, Уильям Гуд выделял следующие необходимые атрибуты: 1) представители профессионального сообщества должны быть связаны чувством идентичности; 2) пребывание в сообществе должно быть продолжительным, после вхождения лишь некоторые члены (и в редких случаях) покидают его; 3) члены сообщества разделяют единую систему ценностей; 4) наличествуют согласованные определения ролей членов и не членов сообщества; 5) существует профессиональный лексикон, который лишь частично понимается внешними наблюдателями; 6) сообщество обладает властью над своими членами; 7) имеются, пусть не географические, но социальные границы сообщества; 8) отбор будущих членов и их профессиональная социализация реализуются самим сообществом [Goode, 1957, p. 194]. В качестве основных функций профессионального сообщества называются социальный контроль (этические нормы и дисциплинарная практика) и социализация (экзамены и обучение) членов; взамен профессиональное сообщество получает общественное признание.

В функционалистском описании профессиональное сообщество почти неотличимо от профессиональной ассоциации. Если мы обра-

1 Наш современный русский язык служит здесь плохую службу, поскольку семантика понятия «общество» отсылает к национальным обществам. Но, например, в английском языке термин Тенниса «Gesellschaft» часто переводят как «ассоциация» (association) или «гражданское общество» (civil society), что позволяет лучше уловить суть аргумента. Относительно малая группа, члены которой знакомы друг с другом лично, вполне может быть объединена по типу «*общество*» — например, капиталистическая фабрика. При этом пространственно протяженные группы способны обладать органическим единством, позволяющим отнести их к «*сообществу*». Скажем, религиозное сообщество часто простирается далеко за рамки национальных границ, но его члены могут считать себя в какой-то степени одной семьей, свидетельством чего является обращение незнакомых верующих друг к другу «брат» или «сестра».

тимся к статье классика этого направления Роберта Мертона «Функции профессиональной ассоциации», то лишь укрепимся в данном мнении [Merton, 1958]. С его точки зрения, подлинные социальные и моральные связи между представителями одной профессии невозможны, если все будут руководствоваться принципом «каждый сам за себя». Это приведет, по образному выражению Мертона, к тому, что «общественное недовольство схватит последнего». (Мертон здесь обыгрывает английскую присказку «Каждый сам за себя, и пусть дьявол схватит последнего».) Солидарность между представителями профессии возможна только при наличии ассоциации, которая обеспечивает, подчас принудительно, приверженность идеалам профессии. Любая профессиональная ассоциация, чтобы иметь право говорить от имени всей профессии, должна заполучить в свои ряды всех потенциальных членов, которые удовлетворяют критериям принятия в нее. Далеко не каждой ассоциации это удается, но она, по крайней мере, должна стремиться к полной комплектности (completeness). Под термином «комплектность» Мертон имеет в виду соотношение актуальных и потенциальных членов ассоциации. Именно этот показатель определяет авторитет ассоциации в той или иной сфере деятельности. Например, в середине XX в. ассоциация американских медсестер превосходила в абсолютных числах ассоциацию врачей, но комплектность последней была выше (65% против 41% медсестер), что обуславливало ее больший престиж и большую власть по отношению к своим членам [Merton, 1968, p. 369].

Если обратиться к адвокатской профессии в России, то вся история ее развития характеризуется борьбой за достижение полной комплектности профессиональной ассоциации. Адвокаты очень продолжительное время не имели единой корпоративной организации. Хотя в дореволюционное и советское время существовали советы присяжных поверенных и коллегии адвокатов, они действовали только на региональном уровне, носили больше формальный характер и находились под контролем государства. Только с учреждением адвокатских палат (национальной и региональных) в начале 2000-х годов и с обязательным членством в них каждого адвоката можно говорить о создании полноценной профессиональной ассоциации. Однако полной победы в борьбе за комплектность не произошло, потому что существовали и продолжают существовать группы юристов, потенциально способные войти в адвокатуру, но не желающие этого делать.

Профессиональные ассоциации российских адвокатов

С момента своего возникновения в ходе судебной реформы 1864 г. российская адвокатура имела органы самоуправления — советы

присяжных поверенных, но о полной автономии этих объединений тогда речь не шла. По французскому образцу советы должны были быть приписаны к судебным палатам, т. е. к государственным учреждениям. Более того, в тех городах, где по каким-либо причинам не были созданы советы или их отделения, то выполняемые ими функции брал на себя окружной суд. К концу XIX в. таких округов было абсолютное большинство. При этом отличия в интенсивности жизни адвокатского сообщества в тех немногих местах, где такое подчинение отсутствовало, были разительными: там издавались разъяснения по вопросам этики, организовывалось наставничество для молодых адвокатов, проводились конференции, открывались библиотеки и кассы взаимопомощи, подавались в государственные органы проекты реформ. Но в округах, где вместо советов действовали суды, тесных корпоративных связей не было. Как свидетельствовали современники, «каждый занимается практикой на свой страх и риск; никаких общесословных интересов нет» [Васьковский, 1893, с. 341].

Государственный контроль часто оказывал негативное влияние на ростки адвокатского сообщества. Пример института частных поверенных, введенного в 1874 г. в дополнение к присяжной адвокатуре, это хорошо показывает. Важным отличием первых от вторых было отсутствие у частной адвокатуры своей саморегулируемой организации — доступ к практике предоставлялся судами, которые зачастую подходили к этому формально и не вникали в степень подготовки кандидата. Если присяжный поверенный мог гордиться своим членством в корпорации, то частный поверенный чувствовал себя в ней ущемленным, хотя процессуальные возможности двух этих групп мало чем отличались, а в кассационной практике Сената к началу XX в. подход к двум группам был почти одинаков [Благодетелева, 2013]. Различие в действительности заключалось скорее в степени престижа, чем в формально-юридических ограничениях. В общественном сознании наделение патентом по воле суда, а не принятие в корпорацию, плохо вписывалось в представления о свободной профессии. Как замечают современники, «у нас даже о патентованных адвокатах успело сложиться особенное убеждение, именно, что они, как казенные или акцизные (этими названиями успел окрестить их народ), не надежны, ибо зависят от суда, а потому не смеют противодействовать ему» [Остроухов, 1875, с. 8]. Поэтому неудивительно, что свой профессиональный проект частные поверенные пытались реализовать в борьбе за создание собственной ассоциации, по модели присяжных поверенных. В отдельных регионах такие ассоциации к началу XX в. даже были созданы — например, в Одессе в 1906 г. На общероссийский уровень к созданию ассоциации и принятию ее устава частные поверенные

вышли только в 1917 г. после Февральской революции, но с приходом к власти большевиков адвокатура (как присяжная, так и частная) была упразднена.

С первых лет советской власти коллегии правозаступников (так на волне борьбы с буржуазным прошлым стали именовать адвокатов) не были автономными учреждениями. По Декрету о суде № 2 они образовывались в рамках советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и даже получали фиксированное жалование. С 1922 г. коллегии формировались уже при губернских отделах юстиции, их органами были общее собрание и постоянно действующий президиум. Последний осуществлял контроль над исполнением членами коллегии своих обязанностей, налагал дисциплинарные взыскания, распоряжался денежным фондом, назначал бесплатную защиту. С 1960-х годов адвокаты в обязательном порядке должны были входить в областные и приравненные к ним коллегии, которые находились под контролем Министерства юстиции, существовал специальный отдел по надзору за адвокатурой. Таким образом, в дореволюционный и советский периоды автономия адвокатского сообщества носила ограниченный характер в силу зависимости от государства.

Поэтому создание единой ассоциации на принципе обязательного членства стало рассматриваться в качестве первоочередной задачи постсоветской адвокатурой. Однако это было реализовано лишь в 2002 г., когда в каждом субъекте Федерации были созданы адвокатские палаты, формально не подчиняющиеся государству. На национальном уровне интересы адвокатов стала представлять Федеральная палата адвокатов. Министерство юстиции сохраняет определенные полномочия в отношении адвокатуры: например, выдает удостоверения государственного образца, может вносить представления в палату, если найдет в действиях адвоката дисциплинарное нарушение. Однако такие вопросы, как прием в адвокатуру и исключение из нее, наказание за нарушение профессиональной этики и поощрение за добросовестную работу, сборы на общие нужды и т. п., решаются органами адвокатского самоуправления.

К числу важнейших функций адвокатских палат относится прием новых членов после прохождения специального экзамена. Он состоит из письменного тестирования и устного собеседования. Наличие процедуры экзаменов повышает статус профессии в глазах претендентов.

> *Первое, что вот меня поразило: мне казалось на определенном этапе, что в адвокатуру просто записывают. То есть пришел, сказал: «Я хочу быть адвокатом», вроде как записался. Когда я узнал, что там квалификационный экзамен, все дела, то я сильно зауважал эту когорту* (адвокат, Иркутск).

В случае успешного прохождения экзамена претендент должен пройти ритуал посвящения в сообщество — принести присягу. Именно с этого момента он формально считается адвокатом, а не с момента сдачи экзамена или получения удостоверения государственного образца. Это важный момент, поскольку так выстраивается символическая граница между жизнью до и после вхождения в профессию: солдатом становятся после принесения военной присяги, врачом — после дачи клятвы Гиппократа, а священником — после принятия обетов. Адвокатская присяга приносится в торжественной обстановке и состоит из следующего текста: «Я, ..., торжественно клянусь честно и добросовестно исполнять обязанности адвоката, защищать права, свободы и интересы доверителей, руководствуясь Конституцией РФ, законом и кодексом профессиональной этики адвоката»[1].

К другой важнейшей функции профессиональной ассоциации относят корпоративный суд над теми членами сообщества, который допустили нарушения профессиональной этики. Как отмечает социолог Э. Фрейдсон, формальный этический кодекс имеют многие профессии, но относительно мало тех, у кого есть реальные механизмы отслеживания случаев нарушения и применения санкций [Freidson, 1988]. Не всегда в руках адвокатуры находилось разбирательство дел о профессиональных нарушениях. Например, в дореволюционный период этим занимались окружные суды. Однако сейчас эта функция находится в руках адвокатских палат (в лице советов и квалификационных комиссий), которые могут применять к нарушителям такие наказания, как замечание, предупреждение и самое строгое — лишение статуса адвоката.

Хотя сами по себе ассоциации не означают наличия профессионального сообщества, сильная и активная ассоциация может стать той площадкой, на которой представители профессии получают единственную возможность встретиться. Например, сравнитель-

1 Такая формула, где подчеркивается ответственность перед клиентом, контрастирует с присягой дореволюционной адвокатуры. Принося ее, новоиспеченный присяжный поверенный брал на себя в основном обязательства перед государством, интересы клиентов упоминались лишь в самом конце клятвы. Он обязывался «хранить верность Его Императорскому Величеству Государю Императору, Самодержавцу Всероссийскому, исполнять в точности и по крайнему разумению законы Империи, не писать и не говорить на суде ничего, что могло бы клониться к ослаблению православной церкви, государства, общества, семейства и доброй нравственности, честно и добросовестно исполнять обязанности принимаемого на себя звания, не нарушать уважения к судам и властям и охранять интересы доверителей» [Васьковский, 1893, с. 328].

ное исследование американских рекламщиков, университетских профессоров и дантистов показало, что индивидуально практикующие дантисты общались с коллегами на порядок чаще первых двух групп (казалось бы, более коммуникативных) только благодаря мероприятиям своей ассоциации [Gerstl, 1961].

В российском случае палаты пока не стали такого рода площадками, хотя они и организуют разного рода корпоративные мероприятия. Например, палатами проводятся развлекательные и спортивные мероприятия среди адвокатов (спартакиады, конкурсы красоты, соревнования по рыбной ловле и т. д.), иногда даже на межрегиональном уровне. Однако, несмотря на все эти начинания, в интервью адвокаты часто отзывались о палатах как о формальных институциях, соприкосновение с которыми обычно происходит при внесении ежемесячных взносов на общие нужды либо получении бланков ордеров, т. е. преимущественно по бюрократическим поводам. В большей степени внутригрупповые связи адвоката представлены в коллективах локального уровня, где человек непосредственно работает.

> *Интервьюер: Взаимодействуете ли вы как-то с адвокатской палатой, с адвокатским сообществом?*
> *Информант: Палата — это некая административная единица, [я] практически [не взаимодействую с ней]. А с сообществом — да, у меня банально формируются близкие отношения с коллегами* (адвокат, Москва).

Таким образом, хотя ассоциация и призвана репрезентировать профессиональное сообщество, ставить знак равенства между двумя этими феноменами не вполне верно. Профессиональное сообщество в большей степени конституируется реалиями практической деятельности и разделяемым повседневным опытом адвокатов. В таком случае рассмотрим те базовые практики, которые характеризуют адвокатскую профессию.

Какие практики конституируют адвокатскую профессию?

Ключевыми навыками, которыми должен владеть адвокат, является подготовка документов и устная презентация позиции в суде. Не всегда и не везде эти две области вместе ассоциировались с адвокатской профессией. Скажем, во Франции долгое время существовало разделение на avoué (стряпчих) и avocat (собственно адвокатов). Их различие заключалось в том, что адвокат должен был произнести красивую и убедительную речь в суде, в то время как подготовку дела и работу с документами брал на себя стряпчий. Адвокат

формально не считался судебным представителем, поэтому не мог от имени клиента совершать какие-то распорядительные действия в процессе — подавать иски, жалобы, ходатайства и т. д. Всем этим занимался стряпчий. Однако постепенно происходило сближение этих двух профессий, завершившееся слиянием в ходе реформы 1970-х годов. В Великобритании до сих пор сохраняется схожее разделение адвокатской профессии: всей подготовкой дела к суду занимается солиситор, а барристер получает от него инструкцию с описанием позиции (brief), которой тот должен следовать в устных выступлениях в суде[1].

При организации адвокатской профессии в России в конце XIX в. такое разделение обязанностей не было воспринято: адвокат брал на себя и работу с бумагами, и речь в суде. Однако престиж профессии и слава отдельных ее представителей создавались именно в залах судах, умение «пледировать» (произносить судебную речь) считалось вершиной мастерства адвоката. В дореволюционное время в большом количестве издавались пособия по красноречию и риторике для адвокатов, сборники наиболее ярких выступлений, выдержки из речей на громких процессах перепечатывались в прессе. В немалой степени это объяснялось широким использованием суда присяжных; в то время они применялись не только в уголовных, но и гражданских делах. Если судья больше воспринимает правовую аргументацию, то на присяжных лучше подействует красивая речь. В советский период судебный процесс эволюционирует в сторону письменного производства. В современной России суд присяжных предусмотрен по крайне узкому кругу дел. Все большее распространение приобретают упрощенные формы процесса, когда устная презентация позиции уже не имеет значения или присутствие адвоката вовсе не предполагается[2]. Вал бумажной работы часто самими юристами-литигаторами осознается как менее увлекательная и живая часть работы по сравнению с выступлениями в суде. Однако эта часть работы не может быть изъята. Адвокатское досье по делу должно коррелировать по содержанию и по объему с папкой судеб-

1 В какой-то мере мы можем наблюдать такое разделение обязанностей в российском уголовном процессе на примере следователя, который проводит всю бумажную работу, и прокурора, устно представляющего позицию в суде на этой основе.

2 Упрощенный процесс в арбитражных судах предусматривает рассмотрение дел на незначительные суммы исключительно в виде письменного производства, стороны не вызываются на судебное заседание, а только представляют свои позиции в письменном виде. Такой упрощенный порядок появился в административном судопроизводстве в 2015 г. и в гражданском процессе в 2016 г.

ного дела, быть практически ее дубликатом. Это не только позволяет синхронно продвигаться вместе с судьей по материалам дела (судьи часто требуют называть номер листа при ссылке на доказательство), но и страхует адвоката от обвинений в недостаточности проделанной работы в случае подачи жалобы неудовлетворенным клиентом. Адвокат всегда может предъявить пухлую папку с поданными им документами и собранными доказательствами в подтверждение проделанной работы.

При этом количество бумаг, а также щепетильность отношения к ним будут варьироваться в зависимости от контекста. В уголовных делах, где адвокат работает по назначению суда или следователя (а не нанят стороной), их меньше, а в сложном арбитражном процессе, который по преимуществу письменный, — больше. Например, Томас Шеффер проводил наблюдение практик работы с файлами двух солиситоров в британской юридической фирме и выявил различия в зависимости от того, в каком судебном контексте они работали. Первый солиситор работал в Королевском суде (высший уровень суда) и подготавливал дело для барристера, его отличало аккуратное и дотошное обращение с документами. Второй солиситор представлял интересы в Суде магистратов (аналог российского мирового суда), где большую роль играет коммуникация на досудебных стадиях, поэтому документам уделялось меньше внимания [Scheffer, 2010, p. 116-117]. В целом высокая роль письменных документов — это общий тренд современного судебного процесса независимо от его подвида. Даже несмотря на произнесение защитительной речи в уголовном деле, у большинства адвокатов существует привычка подавать ее текстовый вариант с тем, чтобы предложенные в ней аргументы были перед глазами судьи. В такой ситуации возникают вопросы: почему адвокаты продолжают ходить в суд, а не просто обмениваются документами, и почему устные дебаты в судебном заседании все еще сохраняют свое значение?

Дело в том, что именно навык устного выступления до сих пор формирует адвокатскую профессию как таковую, создает ее престиж и выделяет из многих других юридических профессий, например, следователя или юриста в организации. Выхолащивание собственно юридической сути из профессии в работе инхаус-юриста передает один из комментариев на интернет-форуме: «Знакомая девушка работает в «петроэлектросбытовой» компании. Отдел — физические лица, подотдел (участок) — взыскания. Лупасит целыми днями иски «пачками», которые в два-три заседания завершаются. Свой труд за годы стандартизировала до совершенства. После работы бежит домой — семья, дети. Говорит: «Ой, я так

давно не в материале юриспруденции, что происходит вокруг, очень отстала»» [1].

Что может адвокат и не может обыватель с помощью Google

Письменное составление и оформление документов является работой, которая в большей степени подвержена шаблонизации[2]. В большинстве типовых случаев обыватель, потратив некоторое количество времени на поиски в Интернете, может найти подходящий образец для своего договора, искового заявления или жалобы на действия правоохранительных органов. Более того, многие шаблоны вывешиваются на видном месте в коридорах судов или на сайтах с тем, чтобы граждане без помощи юриста смогли составить нужный документ, пусть содержательно слабый, но по крайней мере формально правильный. Человеку остается только вставить некоторые фактические данные по делу и подписать документ. В целом такая работа может быть делегирована и машине. В конце 2015 г. в юридических блогах широко обсуждалась программа, написанная 18-летним студентом, которая автоматически формировала и отправляла жалобы по штрафам за неправильную парковку[3]. В 40% случаев эта программа достигала успеха: жалобы удовлетворялись, и штрафы отменялись. В той же мере шаблонизация затрагивает и работу с договорами, образцы которых в избытке представлены в Интернете. Появление электронных правовых баз еще больше упростило работу по составлению того или иного документа, поскольку с их помощью стало возможным подбирать нормы и судебные решения по ключевому запросу, формировать договор по заданным параметрам. Такой системой после краткого инструктажа может пользоваться не только адвокат или юрисконсульт, но и бухгалтер или кадровик на предприятии. Помимо этих групп, имеющих доступ к платным базам, существуют и бесплатные онлайн-версии для всех желающих. Таким образом, внедрение новых технологий

1 Комментарий. Закон.ру (интернет-ресурс): https://zakon.ru/blog/2016/2/3/novye_voprosy_dlya_ekzamena_na_prisvoenie_statusa_advokata#comment_262095

2 О роли шаблонов в работе с документами у следователей см. [Титаев, Шклярук, 2016]; в работе судей см. [Волков, Дмитриева, Поздняков, Титаев, 2015].

3 Joshua Browder sets up free parking fine appeals. (http://www.dailymail.co.uk/news/article-3341645/The-18-year-old-student-saved-British-drivers-2MILLION-just-four-months-Teenager-sets-free-appeals-website-bedroom-overturned-30-000-parking-fines-already. html)

размывает монополию юристов на подготовку документов. В целом в шаблонах нет ничего плохого. Они помогают гражданам решать мелкие стандартные ситуации. Однако шаблоны перестают работать, когда требуется особый подход. Например, отдельного умения требует составление жалобы на судебное решение в вышестоящий суд. Через апелляцию и кассацию проходит множество однотипных жалоб, при этом доля отмен очень мала. Задача адвоката состоит в том, чтобы индивидуализировать кейс, показать, чем он выбивается из общего ряда. С помощью шаблона этого достичь нельзя.

Другая сфера деятельности, в которой гораздо больше импровизации и меньше стереотипного мышления, — участие в судебных заседаниях. Подготовка договоров или исков может быть поставлена на массовый поток, но выступление в суде является уникальной услугой: будучи оказанной, она уже не может быть воспроизведена. Как отмечает провозвестник краха традиционной юридической профессии Ричард Сасскинд, если и остается что-то не подверженное стандартизации и IT-технологиям в юридическом деле, то это выступления в суде. В Великобритании для обозначения такого рода услуг существует специальный термин «bespoke», т. е. сделанное на заказ (обычно речь идет о кройке костюма), в отличие от «off-the-peg» — готового варианта на продажу [Susskind, 2010, p. 29].

Хотя в общих чертах сценарии судебных заседаний схожи, так как последовательность действий прописана в процессуальных кодексах, элемент неожиданности и необходимости принимать решение «здесь и сейчас» всегда присутствует. Это не обязательно связано с новыми доказательствами или разоблачением лжесвидетеля в ходе перекрестного допроса (последнее бывает разве что в судебных кинодрамах). Непредсказуемость может создаваться острой репликой оппонента в прениях или неожиданным вопросом судьи, на которые надо правильно отреагировать. Любой спланированный до заседания сценарий может начать рушиться в самом процессе, поскольку задача второй стороны состоит в том, чтобы приложить к этому все усилия. Таким образом, от адвоката в суде требуется умение ориентироваться в изменяющемся контексте, «чувствовать процесс», понимать, к каким последствиям может привести то или иное действие: «Адвокат при этом похож на хирурга, перед которым лежат самые различные инструменты. Как и у хирурга во время операции, у адвоката в судебном заседании порой нет времени на раздумья» [Лукьянова, 2006, с. 250-251].

Одним из важных факторов неопределенности является поведение судьи, поэтому при подготовке к делу большую роль может играть анализ его предыдущих решений. Опытные юристы знают, каким клиентам симпатизируют различные судьи; какую отрасль права практиковал судья до занятия должности; у каких судей бо-

лее формальная обстановка, а у каких расслабленная; какой судья не пустит адвоката, если тот опоздал хоть на минуту [Thalacker, 2009, p. 194-195]. Кроме того, за время рассмотрения дела вполне может поменяться подход высшего суда к той или иной правовой проблеме, в итоге изначально благоприятный расклад превратится в проигрышную позицию. В этом смысле работа адвоката напоминает игру в шахматы или покер, где игрок должен просчитывать ходы партнера и действовать в обстановке неопределенности. Вот как описывается данная ситуация в американском пособии для юристов, полностью построенном на метафоре покера: «Юристы должны принимать серию постоянных решений на основе как доступных, так и неизвестных фактов. Наиболее распространенное решение — договориться мирным путем или обращаться в суд, но есть множество мелких решений на протяжении всего пути — каких свидетелей опрашивать, какие ходатайства подавать, какие версии проработать, какие вопросы задавать, — каждое из которых в той или иной степени обусловлено поведением юриста с противоположной стороны. Игра в покер во многом похожа. Каждый игрок должен постоянно решать — поднимать ставки, отвечать или скидывать, не видя карт других игроков» [Lubet, 2006, p. 5].

Адвокат должен всегда быть готов корректировать позицию прямо по ходу заседания с учетом изменившихся обстоятельств. Часто его тактика заключается в том, чтобы не дать другой стороне возможность распознать, какие карты есть у него на руках, т. е. доказательства, опровергающие позицию обвинения. Но важно также и не «передержать» карты, найдя нужный момент для их раскрытия.

> *Зачем заявлять ходатайство, если следователь его удовлетворит и потом нечем будет козырять в суде? Его надо заявлять только в суде. А другое ходатайство надо заявлять на следствии, чтобы судья не спросила: «А почему Вы на следствии молчали?» Поэтому здесь все зависит от ситуации, от конкретной ситуации* (адвокат, г. Владимир).

Важность устного судебного заседания состоит еще и в том, что именно там в полной мере проявляет себя специфический язык как кодовая система, формирующая юридическую профессию [Luhmann, 2004]. В отличие от возможности его искусственного использования в письменном тексте, что мы рассмотрели на примере шаблонов, в судебном заседании он представлен в естественной речи. Коммуникация в суде не разворачивается по строгому алгоритму. Обыватель, попадая в непривычный судебный контекст, часто старается говорить в «гиперкорректном» стиле, что выглядит чрезмерным и искусственным для юристов [Conley, O'Barr, Lind, 1979, p. 1390-1391]. Если машину в обозримом будущем можно на-

учить составлять иски или другие документы даже по сложным, нетиповым делам[1], то диалог в судебном заседании ей недоступен[2]. Как показало исследование Элизабет Мертц в американских правовых школах, передача знаний от профессора к учителю происходит в основном по модели «сократического диалога», когда истина отыскивается в обмене репликами собеседников [Mertz, 2007, p. 85-96]. Без живой речи представить судебный процесс невозможно.

Итак, речь в суде является одним из неотъемлемых навыков юристов. Для клиентов наличие данного навыка у судебного представителя важно потому, что внутри судебной системы обыватели практически лишены голоса. Транслировать их интересы могут только те, кто владеет юридическим языком. Клиенты, не знакомые со спецификой использования речи в судебном процессе, склонны оценивать успешность действий адвоката в зависимости от того, сколько длилось его выступление, каков был эмоциональный накал речи, как часто он вступал в полемику с противоположной стороной.

> *Твой клиент может говорить час, а ты встанешь и скажешь пять минут, но ты-то скажешь юридически по существу, а он-то все ни о чем час будет разговаривать, рассказывать чего-то, и так далее. И он может остаться недовольным, скажет: «Ничего себе, Вы мой адвокат, и Вы так мало выступили»* (адвокат, Санкт-Петербург).

Если для каких-то случаев задевающая за живое речь может быть полезной (например, в суде присяжных), то в обычном процессе она будет явно неуместной и не встретит понимания у судьи. Речь должна носить максимально безэмоциональный характер. Судебный этикет подразумевает способность сдерживать аффекты[3]. Потеря контроля

---

1 Сейчас уже существуют программы, которые анализируют всю договорную практику крупных корпораций, на основе чего создаются договоры с контрагентами. Если будет доступен большой массив оцифрованных материалов дела для анализа статистическими программами, то вполне возможно сформировать иск под конкретную ситуацию. Пока что нечто подобное можно наблюдать на примере автоматических новостных сводок о бейсбольных играх и прибылях корпораций с учетом того, конечно, что это более типизированные ситуации, чем правовые споры. Подробнее см.: Remus D., Levy F. S. (2015) *Can Robots Be Lawyers? Computers, Lawyers, and the Practice of Law* (http://papers.ssrn.com/sol3/papers. cfm? abstract_id=2701092).

2 На этом допущении, в частности, построен знаменитый тест Тьюринга.

3 В книге немецкого социолога Норберта Элиаса показана ключевая роль этикета в регулировании и упорядочивании аффектов. Именно эта способность стала формировать матрицу социальных дифференциаций начиная с того этапа, когда рыцари превратились в придворных аристократов, для которых уже не насилие, а самоограничения стали залогом

и выход эмоций наружу в судебном процессе может повлечь за собой наказание со стороны сообщества — вплоть до изгнания из него[1].

Слишком короткое выступление может быть также расценено как непрофессионализм. Если в гражданском процессе скупая заключительная реплика «Позицию поддерживаю» еще возможна, то защитительная речь по уголовному делу в столь сжатом формате свидетельствует о некачественной работе адвоката. Судья не может ограничить защитника в продолжительности такой речи, но важно уметь вовремя замолчать — этот момент адвокат должен чувствовать по опыту, наблюдая за реакцией судьи или присяжных. Иногда говорение в суде делают «придатком» к письменным документам. Эту ошибку совершают молодые адвокаты, когда на предложение судьи озвучить позицию начинают зачитывать тексты своих заявлений или возражений. В большинстве случаев судьи стараются такое пресекать, поскольку тексты у них уже перед глазами, а требуется умение своими словами донести их смысл в сжатой и логически стройной форме.

Как достигается виртуозность адвокатских практик

Стать юристом — значит не выучить наизусть все законы, а научиться думать юридически. Виртуозное овладение какой-либо практикой происходит тогда, когда навыки работы доведены до автоматизма, т. е. когда «знание как» берет верх над «знанием что» [Поланьи, 1998] или когда юридическое мышление становится частью габитуса индивида [Бурдье, 2001]. Возможность нерефлексируемого профессионального действия является признаком подлинного мастерства. Один из наиболее наглядных примеров — проявление профессионального взгляда юриста во внерабочих ситуациях. Например, врач будет видеть признаки нездоровья в поведении знакомых, а военный непроизвольно отмечать, когда рядом идущие шагают в ногу, а когда сбиваются. Все эти ситуации часто становятся предметом профессиональных шуток, но имеют под собой реальную почву. Служащие, постоянно работающие с типовыми договорами (страховые агенты, туроператоры и т. п.), легко выделяют

высокой социальной позиции [Элиас, 2001]. Позднее такое умение контролировать аффекты стало отличать слой нарождавшейся буржуазии и профессионалов.

1 Например, в Самарской области адвокат был лишен статуса за своеобразную форму торжества по случаю процессуальной победы. После отмены по его кассационной жалобе обвинительного приговора он отправил пузырьки с вазелином в адрес суда первой инстанции и прокурора, поддерживавшего обвинение [Сальникова, 2012].

юриста из общей массы по тому, насколько продолжительно и внимательно он читает эти документы. В интервью в рамках российского проекта по антропологии профессии наличие у себя такого «отклонения» подтверждали и судьи [Щепанская, 2010].

Как достигается и где постигается виртуозность адвокатской практики? В тех странах, где обучение ориентировано на практические навыки, первичная социализация будущего адвоката происходит в стенах учебного заведения. Например, уже на первом курсе американских юридических университетов (law schools) производится профессиональная трансформация, которая позволяет «думать как юрист» [Mertz, 2007]. В Англии эти функции выполняют послеуниверситетские курсы юридической практики для солиситоров и курсы при палатах для барристеров, без прохождения которых доступ к профессии закрыт. В российских университетах юридическое образование носит скорее фундаментальный характер, поэтому необходимые практические навыки выпускник получает уже по месту трудовой деятельности: в адвокатуре, в судах, прокуратуре и т. д. Во многих наших интервью адвокаты отмечали, что после получения диплома они столкнулись с тем, что реалии работы сильно расходились с их студенческими представлениями о юридической практике.

Чтобы облегчить вход в профессию, в адвокатуре существует ряд переходных институтов как формальных (например, позиции стажера или помощника), так и неформальных (система наставничества, клубы молодых адвокатов). Подготовительной ступенью на пути в адвокатуру является деятельность в должности помощника и стажера адвоката, которые работают по трудовому договору с адвокатским образованием. Особенно велико значение этих промежуточных ступеней было в советское и постсоветское время до того, как появилась система экзаменов. При отсутствии экзаменационного фильтра 6-12-месячная работа под руководством старших адвокатов позволяла дать оценку кандидату в коллегию. В перестроечное время коллегии могли варьировать время стажировки, продлевать или сокращать ее в зависимости от уровня кандидатов, т. е. настраивать этот фильтр под свои нужды. В каких-то коллегиях в конце стажировки кандидат должен был написать письменную работу[1].

Важно, что под руководством куратора стажеры не только получают юридические знания, но и нарабатывают практический опыт поведения в суде, общения с клиентами.

1 В Московской городской коллегии начала 1990-х такой экзаменационной работой была подготовка собственной версии проекта закона об адвокатуре [Burrage, 1990].

> *Он меня многим таким житейским [вещам], как решать вопросы вне протокола, учил. Здесь имеется в виду не давать деньги, не взяточничество, а просто пара фраз в канцелярии. «Вы отлично выглядите сегодня» может исход дела поменять. <...> И ты сегодня получаешь бумагу, на которую срок 30 дней.* (адвокат, Москва).

В свои первые судебные заседания адвокат, как правило, ходит вдвоем со своим куратором, получая на практике наглядное представление о способах и техниках ведения процесса. Кроме того, в коллективных объединениях адвокат получает доступ к большому количеству образцов процессуальных документов и договоров, накопленных коллегами за многолетнюю практику. На первых порах это сильно облегчает жизнь молодому адвокату, позволяя «не изобретать велосипед», но, как мы писали выше, является лишь подготовительной ступенью на пути к профессионализму. Помимо этого существует специальный курс введения в адвокатскую профессию, который организовывает адвокатская палата. В некоторых регионах также встречается идущая снизу инициатива молодых адвокатов, которые создают свои клубы для обмена опытом, обсуждения научных и практических проблем в области права. Таким образом, профессиональный взгляд — это то, что передается не через изучение теории, а через непосредственное взаимодействие с представителями профессии и возможность перенять их опыт.

Но если для юридической деятельности освоение практических навыков является приоритетным, можно ли в таком случае говорить о том, что те, кто не имеет диплома о высшем юридическом образовании, но имеет необходимую практическую подготовку, в плане профессионализма будут мало отличаться от дипломированных юристов? Это может быть так, но с одной важной оговоркой. Обычно такие представители концентрируются на одном типе дел, достигая полного практического знания о схеме действий в случаях ДТП, спорах по ЖКХ, перерасчете пенсии, трудовых спорах и т. д. Возможность успешного ведения дел обывателями в этих сферах признают даже профессиональные юристы: «90% всех юридических услуг — это «кейсы», наборы действий, совершив которые, получаешь определенный результат. Юриста от простого человека в этом случае отличает лишь то, что юрист знаком с процедурами. Стоит простому человеку ознакомиться с ними, понять правила, и юрист ему не нужен»[1]. Ключевой момент здесь связан с освоением порядка проведения процедур. Тогда как практическое знание юриста пред-

1 Комментарий. *Закон. ру* (интернет-ресурс). (https: //zakon.ru/blog/2016/2/3/novye_voprosy_dlya_ekzamena_na_prisvoenie_statusa_advokata#comment_262428)

полагает умение продолжить ряд, поступить правильно «в любом другом случае», пусть и отличном от того, с чем он привычно имел дело. Поэтому очень часто в наших интервью адвокаты рассказывали о случаях расширения или вообще изменения своей специализации, которое на первых порах давалось со скрипом, но потом они быстро приноравливались. В университетах и в общении с коллегами вырабатываются не столько конкретные навыки, сколько способ мышления. Профессионализм в первую очередь связан не с умением решить проблему, это чисто инструментальная задача, а поставить ее, дать наименование вещам и задать контекст действий по отношению к ним [Schön, 1983, p. 40-41]. Без хорошей теоретической подготовки и обширной практики достичь этого невозможно.

У римлян существовало специальное выражение «Дайте мне факты, я дам вам право». В университетах такой навык нарабатывается на решениях казусов, когда дается вводная фактическая ситуация и надо дать ее юридическую трактовку. Преподаватель при этом оценивает не правильность ответа (возможно несколько противоречащих друг другу правильных решений), а умение студента выстроить позицию и аргументировать ее[1]. Это умение юристов увидеть за фактами право еще в XIX в. немецкий ученый Рудольф Йеринг обозначил как «юридическая техника» [Йеринг, 1905]. Если человек, не имеющий юридического образования, будет видеть только конкретную проблему, которую он научился решать через суд по накатанной колее, то профессионализм юриста проявляется в способности увидеть за этим еще и правовую проблему. В интервью адвокаты часто отмечали, что если дело интересное с правовой точки зрения, то они готовы отказаться от вознаграждения.

Однако, несмотря на перечисленные базовые навыки, которые очерчивают границу между профессионалом и обывателем, практические реалии работы могут сильно отличаться у разных подгрупп профессии. Так, адвокату, закрывающему крупные сделки M&A (слияние и поглощение), нелегко понять проблемы адвоката, связанные с проходом в СИЗО к своему подзащитному. Хотя у обоих в кармане будут удостоверения одинакового образца и за плечами опыт сдачи одинакового экзамена, их профессиональные миры будут существенно отличаться. Подобные расхождения внутри профессии помогает осмыслить концепция «сообщества практики», которая рождается в начале 1990-х годов в рамках исследований

1 На юридическом факультете СПбГУ такие задачи с постановкой правовой проблемы, не имеющей единственного решения, называются «задачками Шварца» по имени их составителя, доцента кафедры гражданского процесса М.З. Шварца. Список задач можно найти на интернет-ресурсе http://civilprocess.ru/wiki/Задачки_Шварца.

по социальному научению и менеджменту, но постепенно проникает в социологию профессий.

Сообщества практики: профессиональные миры адвокатов

Важность практического контекста работы для формирования профессионального сообщества раскрывается в книге Л. Мэтер, К. МакИвэна и Р. Мэймана, посвященной адвокатам, специализирующимся на делах о разводе [Mather, McEwen, Maiman, 2001]. В книге проводится идея о том, что представление обо всех членах Американской ассоциации юристов как консолидированном профессиональном сообществе не учитывает различия в повседневных условиях и практиках работы разных групп юристов. В частности, представительство в бракоразводных процессах является ярко выраженной и довольно массовой областью юридической практики. Адвокаты, которые берутся за такие дела, имеют разделяемые интересы, общий опыт и негласные правила ведения дела. Поэтому представители этой адвокатской группы будут ориентироваться в своем поведении на коллег со сходным опытом, а не на абстрактное множество юристов, которое призвана репрезентировать Ассоциация. Чтобы зафиксировать значимость разделяемого практического опыта для выстраивания профессионального сообщества, Л. Мэтер, К. МакИвэн и Р. Мэйман вводят термин «сообщество практики» (community of practice). Под ним понимается та или иная группа практикующих юристов, которые соотносят себя друг с другом, имеют общие ожидания и стандарты.

Если отталкиваться от критерия сходства практик, то структурно-функционалистское определение профессионального сообщества показывает всю свою слабость. Мы уже не можем, как функционалист Уильям Гуд, выделить восемь признаков профессионального сообщества — есть лишь области практики, в которых сообщество проявляет себя. Тем самым мы приходим к более динамичному пониманию профессионального сообщества. Особенно хорошо это заметно, если сравнить адвокатов-универсалистов, для которых бракоразводные дела являются лишь одними из многих, и узких специалистов, концентрирующихся только на разводах. Поскольку и те, и другие обладают сходным опытом участия в бракоразводных процессах, представления о «разумном (адекватном) юристе» у них будут совпадать. Например, это касается поведения адвоката во время переговоров о разделе имущества: упрямые и несговорчивые адвокаты оказываются за гранью «адекватности» (их неформально называют «Рэмбо»). По этому вопросу оба типа адвокатов будут образовывать сообщество практики. Однако у адвокатов-универсали-

стов чрезмерная дотошность бракоразводных адвокатов в вопросах семейного права и глубокое погружение в психологические проблемы клиента вызывает неприятие [Ibid., p. 54-56). Соответственно в этой области сообщество практики будет складываться только между адвокатами, специализирующимися на разводах.

В случае с российскими адвокатами мы имеем две неравномерные констелляции рабочих практик: а) связанные с помощью гражданам; б) связанные с оказанием услуг коммерческим предприятиям. Преобладание первой объясняется существованием адвокатской монополии на участие в уголовных делах, тогда как в сфере оказания услуг бизнесу есть сильная конкуренция со стороны юридических фирм. Однако сводить адвокатскую деятельность к уголовной составляющей неверно, существуют адвокатские бюро, ориентирующиеся преимущественно на корпоративных клиентов. Кроме того, на уровне отдельных адвокатов может встречаться акцент на работе с коммерческими структурами, особенно когда статус адвоката получает юрист, раньше работавший в этой сфере. Например, юрист по банкротству может получить адвокатский статус, чтобы иметь возможность обеспечить защиту в случае уголовного преследования топ-менеджмента по статьям, связанным с банкротством[1]. Возбуждение дел по таким составам крайне редко встречается, поэтому статус адвоката будет играть скорее роль страховки. Рутинные практики такого юриста от получения адвокатского статуса не поменяются: он будет продолжать представлять интересы клиентов в банкротных процессах в арбитражных судах, участвовать в советах кредиторов, выстраивать отношения с конкурсными управляющими и т. д.

Несмотря на то что имеются различия в практиках участия в уголовных и гражданских делах, основной водораздел все же проходит по типу клиента: частные лица или корпорации. Представление интересов компаний имеет свою специфику в плане построения отношений с клиентами и в реалиях участия в судебных процессах. Во-первых, с компаниями есть возможность установления долговременных отношений, когда обеспечивается сопровождение коммерческой деятельности. В этой области (в основном работа с договорами) у адвоката будет гораздо больше пересечений с практиками юристов-инхаусов или юристов консалтинговых агентств («большой четверки» и менее крупных), чем с адвокатами, работающими с гражданами. Во-вторых, в России существуют специализированные суды для бизнеса: если дела граждан разрешаются

1 Ст. 195 УК РФ «Неправомерные действия при банкротстве», ст. 196 УК РФ «Преднамеренное банкротство», ст. 197 УК РФ «Фиктивное банкротство».

в судах общей юрисдикции, то споры организаций рассматриваются в арбитражных судах. В этой сфере адвокатам опять же будут ближе по интересам и стандартам ведения дела не коллеги, практикующие в общей юрисдикции, а скорее сотрудники юридических фирм, пусть и без адвокатского статуса. За последние двадцать лет характеристики этих двух типов судов — для граждан и для бизнеса — стали сильно разниться; соответственно в них изменились и условия работы юристов.

Наличие эффективно работающей системы электронного правосудия — одна из важнейших особенностей арбитражных судов. В практический обиход профессиональных представителей быстро вошли удобства, которые влекло за собой электронное правосудие. Большинство юридических операций в рамках своего судебного дела можно совершать, не отходя от компьютера: скачивать судебные решения, получать по электронной почте оперативную информацию о движении судебного дела, подавать процессуальные документы в отсканированном виде. Кроме того, действует сервис онлайн-расписания, с помощью которого можно отслеживать в режиме реального времени, как движется расписание в том зале суда, в котором будет рассматриваться дело. В судах случаются неизбежные задержки, порой до нескольких часов, что заставляет долго ожидать рассмотрения дела, а этот сервис помогает дистанционно отслеживать продвижение очереди, рационально организовывая свое рабочее время. Также в арбитражных судах есть возможность участия в судебном заседании по видеоконференцсвязи. Все эти преимущества либо отсутствуют, либо находятся в зачаточном состоянии в обычных судах для граждан[1].

Кроме того, в арбитражном суде процессуальные противники почти всегда являются профессиональными юристами (за редким исключением, когда интересы организации представляет руководитель), что дает следующий эффект: судья и представители часто работают в режиме коллегиальной дискуссии. В частности, представители излагают свою позицию по делу так, чтобы судья при необходимости мог скопировать ее в текст решения, и стараются предоставить суду электронную копию своего отзыва или заявления, чтобы максимально упростить этот процесс. Происходящее непосредственно в зале суда также отличается в значительной степени. Коммуникация в арбитражных судах происходит с широким применением специальной терминологии и разворачивается в стро-

1 Бочаров Т. (2015) Электронное правосудие для бизнеса и для граждан. *Ведомости,* 3808. (https: //www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/04/09/elektronnoe-pravosudie-dlya-biznesa-i-dlya-grazhdan)

гом соответствии с процессуальными стадиями. Профессиональные участники четко представляют себе, что именно необходимо сказать и на какой стадии, поэтому само заседание (за исключением сложных, нетиповых дел) проходит рутинно и быстро. В судах общей юрисдикции, поскольку там участниками часто являются обычные граждане, коммуникация проходит в более неформальном ключе, подчас достигая сильного эмоционального накала. Судья часто переходит на обыденную лексику, потому что в противном случае граждане просто не смогут понять смысл происходящего в зале суда. Судья общей юрисдикции может отклониться от некоторых процессуальных стадий или правил, а в арбитражном суде все гораздо более формализовано[1].

Все эти особенности накладывают свой отпечаток на состояние адвокатской профессии. Возникает неравенство, когда одно «сообщество практики» работает в более комфортных условиях и получает высокие гонорары (сюда относятся немногочисленные адвокаты и юристы без статуса, оказывающие услуги бизнесу), тогда как другое, более многочисленное, трудится в менее привлекательных условиях и часто за низкую оплату в системе назначения. Включение в адвокатуру всех юристов в сфере оказания услуг бизнесу не устранит различия этих «сообществ практики», они обусловлены разницей в характере деятельности, как было показано выше. Например, такое же размежевание показали в своем знаменитом исследовании чикагских адвокатов Хайнц и Лауманн еще тридцать лет назад. Хотя и адвокаты, занимающиеся делами граждан, и адвокаты, ориентированные на бизнес, являлись членами единой ассоциации, контекст их работы был настолько разным, что они образовывали буквально два разных мира юристов [Heinz, Laumann, 1982].

Другой подходящей иллюстрацией являются попытки интегрировать юристов-инхаусов в адвокатскую профессию в европейских странах. В Германии они исторически члены ассоциации, но образуют особую подкатегорию — Syndikusanwalt. Во Франции же лишь с реформой 1990-х юрисконсульты (conseils juridiques) включены в состав адвокатуры. Однако и в Германии, и во Франции они так и не стали полноценными членами адвокатской профессии. В частности, на корпоративных юристов не распространяется привилегия адвокатской тайны. Другой пример неравного положения юристов-инхаусов связан с недавним решением Федерального социального суда в Германии, который отказался признать право таких юристов на льготное пенсионное обеспечение. Примечательны мотивы суда: юрист-инхаус находится вне профессии, поскольку трудовые отно-

1 Подробнее см. [Bocharov, Titaev, 2017].

шения с работодателем в отличие от отношений адвокат — клиент ограничивают автономию профессионального суждения [Kilian, 2014]. Можно обнаружить примеры и обратной ситуации, когда представители разных профессиональных групп, состоящие в разных ассоциациях, тем не менее имеют схожие практики. В Польше адвокаты и юрисконсульты входят в две разные профессиональные ассоциации: Верховный совет адвокатуры и Национальный совет юрисконсультов, но из числа последних стали постепенно выделяться группы, ориентированные не на сопровождение бизнеса, а на судебное представительство. В итоге различия между юрисконсультами и адвокатами в практиках работы начали стираться, что позволило исследователям говорить о процессе «адвокатизации» юрисконсультов [Мровчински, 2012, p. 111].

В российском случае мы имеем четкое размежевание адвокатской профессии с корпоративными юристами, что выражается на уровне законодательного запрета адвокату занимать штатную должность в организации. В тех же областях, где адвокаты действуют в одном и том же практическом контексте вместе с судебными представителями без адвокатского статуса, различия уже не так заметны. Однако, чем менее представлены различия в практиках работы, тем больше возрастает роль символических границ для формирования профессиональной идентичности.

Быть адвокатом: профессиональная идентичность на контрасте

В социологии понятие идентичности имеет сложную историю, поскольку ставит под сомнение базовое различение психологического и социального, благодаря которому социология и состоялась как дисциплина. Когда социологи говорили об этнической, расовой, национальной и любой другой идентичности, чаще всего имелось в виду нечто глубокое и основательное, на уровне психики индивида, пусть и обусловленное принадлежностью к социальной группе. Позднее такой жесткой концепции социальный конструктивизм противопоставил свое слабое понимание идентичности, говоря о ней как о чем-то дискурсивно создаваемом, а потому принимаемом за данность. Однако это делает невозможным всякое изучение идентичности, поскольку не позволяет соотнести такую размытую аналитическую категорию с реальностью. Из этого теоретического тупика Роджерс Брубейкер и Фредерик Купер предлагаются выбраться, отказавшись от двух упомянутых крайностей и сконцентрировав внимание не столько на идентичности, сколько на процессах идентификации [Brubaker, Cooper,

2000]. Необходимо исследовать то, с помощью чего члены группы показывают и доказывают свою принадлежность к группе и непринадлежность к ней чужаков. Большую роль в этом играют социальные символы.

В обыденной речи понятие символического часто связано с чем-то поверхностным, непрочным и флюидным, проще говоря, с чем-то явно несерьезным. Однако в социологии сложилось совсем иное отношение к символам. Исследования в традиции символического интеракционизма показывают, что именно символы формируют чувство принадлежности к сообществу. В своем большом труде «Живые и мертвые» американский социолог Уильям Уорнер [2000] показал это на примере жизни типичного американского городка Янки-сити. В результате многолетнего этнографического исследования небольшого городского сообщества он выделил два рода символов, направленных 1) на формирование принадлежности к локальному сообществу (идентичность жителей города); 2) на создание сегментарных идентичностей (принадлежность к различным клубам, церковным общинам, благотворительным ассоциациям и т. д.). Как пишет У. Уорнер, «повсюду, где общества дифференцированы, есть и обязательно должны быть эти два типа символических систем. Сегментарные системы дают символические средства для выражения чувств членов в рамках ограниченной солидарности автономных структур; интегративные же системы позволяют выразиться общим чувствам, присутствующим в каждом человеке, снабжая участников необходимыми символами для выражения единства, ощущаемого всеми членами сообщества» [Уорнер, 2000, p. 259].

Можно провести здесь параллели с профессией. Если она дифференцирована, то у представителя подгруппы есть задача не только продемонстрировать принадлежность к общей профессиональной группе, но и показать, чем их подгруппа отличается от других. В случае с адвокатами такой взгляд особенно актуален, поскольку представители этой профессии в своей повседневной деятельности постоянно сталкиваются с другими юристами, выполняющими сходную работу, отсюда необходимость постоянно подчеркивать границы. Такая система сложилась уже вскоре после реформ 1864 г., когда спустя десять лет после них наряду с присяжными поверенными стали действовать частные поверенные, получавшие патенты на ведение дел в конкретном суде. Профессиональная идентичность членов этих групп выстраивалась на основе символических границ, отделяющих «своих» от «чужих» [Благодетелева, 2013, p. 179]. Наиболее заметной границей между двумя группами был диплом об университетском образовании. Если для присяжных поверенных диплом был обязателен, то для частной адвокатуры такое требование

отсутствовало — проверку юридических знаний брал на себя тот суд, который выдавал патент частному поверенному. Однако значение университетского образования было связано не столько с получаемыми там знаниями, сколько с первичным формированием профессиональной идентичности. В большинстве случаев негативные оценки частных поверенных касались того, что туда попадала довольно разношерстная публика из разных сословий и профессий: «Кадры ее [частной адвокатуры] стали пополняться случайным и «временным» элементом, унижающим подчас деятельность самой корпорации в глазах общественного мнения. И в самом деле кто идет зачастую в частные поверенные? И прогнанный волостной писарь, и исключенный из службы чиновник, полуграмотный кулак-мужик из безземельных и полицейский или адвокатский писец и т. п.» [Фридман, 1897, p. 3]. В то время как будущий присяжный поверенный уже со студенческой скамьи окунался в юридическую среду.

В настоящее время университетское образование утратило подобное значение маркера профессии. Сейчас и адвокаты, и практикующие юристы без статуса имеют диплом о высшем юридическом образовании. Какие в таком случае символические границы выстраивают современные адвокаты для отграничения себя от представителей других групп? Одним из важнейших символов является ритуал инициации в форме экзаменов и присяги. Примечательно, что при принятии экзаменов акцент делается не только на вопросах права, которых большинство, а на знании самой профессии, куда кандидат стремится попасть. Вот как описывает это в интервью новоиспеченный адвокат.

> *Мне кажется, я весь год готовился. Я говорю не о теоретической подготовке в плане знания отраслевого законодательства, потому что в меня в институте достаточно хорошо это вдолбили. Скорее, подготовка связана была именно с адвокатством, т. е. с пониманием внутренней структуры и иерархии палаты. Это те вопросы, которым они [комиссия] уделяли более пристальное внимание, потому что они считали, если квалифицированный юрист не знает вопросов отраслевых, он может открыть закон, прочитать и понять, что там написано, а если он не понимает сути того, что он делает, как нужно с доверителем общаться, то зачем он идет туда* (адвокат, Санкт-Петербург).

К символам другого рода можно отнести специфическую одежду, которую носят представители профессиональной группы. В европейских странах с древними традициями принадлежность к адвокатам часто подчеркивается в одежде. Например, адвокаты во Франции до сих пор надевают в судебное заседание черную мантию, что повелось еще с тех пор, когда их профессия носила сакральный

характер, не случайно число пуговиц на мантии равно тридцати трем, что соответствует возрасту Христа. Помимо мантии носятся белые брыжи, а по торжественным случаям и белые перчатки. Особая шапочка (la toque) вышла из употребления. В защиту таких неуместных в эпоху рынка костюмов приводится довод о равенстве: никто не может выделять себя из сообщества дорогими костюмами, часами и прочими аксессуарами. Единственным исключением является меховая нашивка на плече, которая выделяет парижских адвокатов из числа других[1]. Сходным образом работает специальная шелковая мантия (silk gown) королевского адвоката (Queen's Counsel) в Великобритании. Если обычный барристер на процесс приходит в простой мантии и парике, то шелковая мантия должна выделять высшую касту. Как правило, ее представители получают наиболее сложные дела, а их оплата соответственн, выше ставок обычных барристеров [Iossa, Jullien, 2013].

В современной российской адвокатуре долгое время не было подобных маркеров профессии, но существовала потребность во внешних атрибутах статуса, которые бы отделяли адвоката от других представителей в судебном процессе. В итоге эта потребность вылилась в создание специального нагрудного знака российского адвоката, который был утвержден в апреле 2015 г. на VII Всероссийском съезде адвокатов. На знаке изображен «столп закона» — колонна, увенчанная императорской короной, на колонне прямоугольный щиток с надписью «ЗАКОНЪ». Колонну обрамляет овальный венок из дубовых и лавровых ветвей, концы которых внизу перевязаны лентой с бантом[2]. Примечательна связь этого атрибута с историей профессии: он почти полностью воспроизводит нагрудный знак дореволюционного присяжного поверенного, который тот обязан был носить слева в петлице своего фрака [Бушманов, 2015].

В ряде региональных палат предусмотрен нагрудный знак «Почетный адвокат», который вручается адвокатам с продолжительным стажем работы, внесшим вклад в развитие адвокатуры региона и имеющим безупречную репутацию. Такие знаки отличия формируют престиж отдельного адвоката в рамках локального профессионального сообщества.

---

1 Считается, что такую нашивку ввел в моду адвокат Людовика XVI Малешерб, который тем самым показывал траур после казни своего высокопоставленного клиента. См.: Assor C. Pourquoi les avocats portent-ils une robe? («Почему адвокаты носят мантии?»). (http://www.lepoint.fr/art-devivre/pourquoi-les-avocats-portent-ils-une-robe-01-11-2015-1978587_4.php).

2 Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ (2015). №2 (49) (http://www.fparf.ru/upload/iblock/7b7/7b73505f7bfb9288d2a52f8f93a2b4ee. pdf)

Для меня показателем репутационного характера являются все-таки награды Адвокатской палаты. Для меня это важно, потому что палата видит, кто что делает, и всегда это отмечает. (адвокат, Санкт-Петербург).

В дореволюционное время определенным маркером профессии был фрак. Известный адвокат того периода Николай Карабчевский в своих воспоминаниях о вступлении в корпорацию отмечает: «Я не ходил справляться о судьбе поданного мною в Совет прошения, но исподволь начал, однако, принимать меры тому, чтобы мое новое официальное положение не застигло меня врасплох. Прежде всего я приобрел в гостином дворе довольно внушительных размеров портфель, кроме того, я заказал себе фрак у портного с Казанской улицы. Я понимал, что без фрака и без портфеля адвоката не бывает». [Карабчевский, 1902, p. 28].

Если же говорить об одежде, характерной для современной профессии, то она будет в основных чертах воспроизводить деловой стиль, который мало чем отличает от стиля одежды других юристов[1]: хороший и дорогой костюм, очки в роговой оправе, кожаный портфель, качественная обувь. Однако репутация адвоката складывается на индивидуальном уровне, поэтому часто важную роль начинают играть мелкие, но запоминающиеся штрихи в одежде, обращающие на себя внимание детали. Например, у некоторых адвокатов, особенно из старшего поколения, это будет трость, бабочка, шейный платок или броская машина. Для сотрудника юридической фирмы подобные детали встречаются реже, поскольку репутация выстраивается вокруг фирмы, а не конкретного человека.

Другим отличительным маркером адвоката является удостоверение государственного образца, которое выдается местным органом юстиции. В нем помимо фотографии и фамилии адвоката указывается номер в реестре региональной палаты. Сам факт выдачи этого удостоверения часто вызывает ассоциативную путаницу у обывателя, поскольку такой документ обычно указывает на государственную службу, а не на гражданскую профессию. Как вспоминал старожил московской адвокатуры Геннадий Шаров: «Я сталкивался много раз с ситуациями, когда клиенты, особенно иностранные, просили меня показать лицензию. Мое удостоверение члена коллегии адвокатов вызывало недоумение, и мне говорили: удостоверение бывает у полицейских, у сотрудников частного сыска, а у вас должна быть

1 В некоторых арбитражных судах требования к деловому стилю одежды установлены на уровне внутренних правил: максимально допустимыми являются короткие рукава или отсутствие галстука летом. См.: Вадимов В. В суд запрещают приходить в шортах. *Legal. Report* (https: //legal.report/article/04052016/v-sud-zaprecshayut-prihodit-v-shortah).

лицензия, правильно оформленная, с печатью» [Шаров, 2011, с. 153]. Утрата или приведение в негодность этого символа профессии может стать даже поводом для дисциплинарного взыскания.

Кроме того, роль идентификатора выполняет такой специфический атрибут адвокатской профессии, как ордер на ведение дела. Он представляет собой небольшого размера лист, разделенный на две части: корешок и собственно ордер, оба заполняются одинаково и содержат информацию о доверителе, сути поручения, реквизитах соглашения. Правая часть отрывается и подается в суд (или правоохранительные органы), корешок остается для отчетности. Если в уголовном процессе ордер требуется в обязательном порядке и без него адвокат не может участвовать в деле, то с гражданским и арбитражным процессом ситуация иная. В гражданском процессе ордер действует наряду с доверенностью и необходим только для выступления в заседании, а в арбитражном процессе предъявление ордера вообще не предусмотрено. Между тем многие адвокатские палаты требуют от своих адвокатов предъявлять ордер и в этих случаях, в том числе для того, чтобы показать свое отличие от других юристов[1]. Кроме того, ордер имеет еще значение документа финансовой отчетности.

Также большое значение имеет историческая преемственность. Задействование истории часто становится способом выстраивания социальной идентичности в сообществах, что хорошо показано, например, в исследовании российских «малых городов» [Павлюткин, Юдин, 2015]. Современные адвокаты часто подчеркивают свою связь с дореволюционной адвокатурой и считают точкой отсчета для истории профессии принятие Судебных уставов в 1864 г. В этом плане, приобретая статус адвоката, человек не просто получает доступ к профессии, он автоматически вписывает себя в историю.

С точки зрения этических правил, с точки зрения отношения к профессии, которое было до революции, я думаю, что нужно равняться. Потому что тогда

1 Например, в решении совета Адвокатской палаты республики Татарстан отмечается, что «имеют место случаи, когда адвокаты, при выполнении поручений в гражданском, административном судопроизводстве, в арбитражном суде, свои полномочия подтверждают лишь доверенностью, не представляя ордер адвокатского образования. При этом доверенность выдается адвокату как физическому лицу, а не члену адвокатского образования. Такое положение недопустимо. На сегодняшний день юридическая помощь гражданам и юридическим лицам оказывается не только адвокатами, но и другими лицами, выдающими себя за адвокатов» (Решение от 17.02.2011 «Об оформлении полномочий адвокатов при выполнении своих профессиональных обязанностей»).

действительно была плеяда адвокатов, которые задали очень высокие профессиональные этические стандарты (адвокат, Москва).

Другим важным символом, который вносит вклад в формирование идентичности, является профессиональный праздник. Поскольку любой праздник знаменует собой выход за рамки повседневности, он позволяет проявиться тем связям и общим ценностям между членами группы, которые в обычные дни не осознаются и не проговариваются. Как показал в своем исследовании У. Уорнер, в наибольшей степени жители Янки-сити ощутили себя горожанами в ходе подготовки и празднования трехсотлетия своего городка. В России у адвокатов существует свой профессиональный праздник День адвоката, который приходится на 31 мая, когда был подписан Федеральный закон об адвокатской деятельности и адвокатуре 2002 г. Этот праздник введен Съездом адвокатов в 2005 г. как раз с целью укрепления адвокатского сообщества, причем он не является официальным государственным праздником. В целом, как показал анализ официальных страниц палат в интернете, День адвоката отмечается почти во всех адвокатских палатах. В этом смысле примечательно сравнение с общим Днем юриста, введенным в 2008 г. уже на государственном уровне, но оказавшимся почти не востребованным ввиду размытости субъекта данного праздника. Это наглядно демонстрирует, что единая юридическая профессия на данный момент так и не сложилась в России, она распадается на ряд отдельных профессий, представители которых отмечают свои корпоративные праздники.

Заключение

Адвокатская профессия генетически связана с судебной системой и не может не трансформироваться вслед за ней. Поэтому с неуклонно возрастающей ролью письменного начала в судебном процессе возрастает объем работы адвоката с документами. Однако, несмотря на эти обстоятельства, квинтэссенцией адвокатского труда, его творческой составляющей является устная работа. Хотя она занимает меньшую часть рабочего времени, именно за счет устного консультирования клиентов и выступлений в суде формируются отличия адвокатов от других юристов, работающих с бумагами (следователь или юрист-инхаус). Однако в сравнении с другими судебными представителями отличия уже не так заметны. Как правило, для обывателей граница между адвокатами как профессиональной группой и другими категориями литигаторов очень размыта. Для самих профессиональных судебных представителей, будь то адвокаты или не-адвокаты, различия на уровне практической

деятельности также не вполне очевидны, что заставляет говорить существовании сообщества практики на этом уровне.

Качество услуг, если сравнить адвоката и юриста, не вижу разницы. Потому что вы сегодня адвокат, завтра по тем или иным причинам вы решили прекратить статус адвоката и теперь работаете как предприниматель. У вас что IQ упал сразу? Вы стали хуже разбираться в законах? Это не так. (адвокат, Владимир).

Однако для формирования профессиональной идентичности адвокатов демаркационные линии крайне важны. Только членство в единой профессиональной ассоциации не делает их сообществом, это лишь каркас, необходима еще идентификация каждого его члена с надличностной общностью. Такая идентификация может проявляться на уровне одежды и аксессуаров, в профессиональном жаргоне и телесных практиках, в профессиональных праздниках, в общих авторитетах, которых можно брать за образцы для подражания. Все эти, на первый взгляд, тривиальные детали позволяют адвокату почувствовать себя частичкой чего-то большего, чем он сам, — профессии, которая возникла задолго до него и будет продолжать существовать после него.

Библиография

Благодетелева Е. Д. (2013). Гражданская и профессиональная идентичность российской адвокатуры второй половины XIX — начала XX в. Н. А. Проскурякова (ред.). *Гражданская идентичность российской интеллигенции в конце XIX — начале XX века.* М.: Новый хронограф: 163-201.

Бурдье П. (2001). *Практический смысл,* СПб.: Алетейя.

Бушманов И. Б. (2015). Знаки отличия российского адвоката. От нагрудных знаков присяжных поверенных в дореволюционной России до современной символики российской адвокатуры. *Вестник Федеральной палаты адвокатов,* 2: 270-276.

Васьковский Е. В. (1893). Организация адвокатуры. В 2 т., СПб.: Н. К. Мартынов.

Волков В., Дмитриева А., Поздняков М., Титаев К. (2015) *Российские судьи: социологическое исследование профессии,* М.: Норма.

Иеринг Р. (1905). *Юридическая техника*, СПб.

Карабчевский Н. (1902). *Около правосудия*, СПб.: Типография Т-ва печати и Издательство д-ла «Трудъ».

Лукьянова И. Н. (2012). Некоторые теоретические проблемы доказывания в суде. Е. Ю. Булакова, Л. А. Воскобитова, М. Р. Воскобитова и др. *Адвокат: навыки профессионального мастерства*, М.: Волтерс Клувер: 250-275.

Мровчински Р. (2012). Институциональная профессионализация юристов в условиях государственного социализма и постсоциализма: сравнительный анализ организаций профессионального самоуправления в Польше и России.

П. Романов, Е. Ярская-Смирнова (ред.) *Антропология профессий: границы занятости в эпоху нестабильности,*. М.: ООО «Вариант»; ЦСПГИ: с. 99-117.

Павлюткин И., Юдин Г. (2015). Сообщество как данность и сообщество как процесс: стратегии изучения малых городов. *Laboratorium*, 7 (3): 88-105.

Полани М. (1998). *Личностное знание: На пути к посткритической философии.* Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ.

Сальникова Е. В. (2012). *Десятилетие. Практика реализации Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»*, Самара: Агни.

Теннис Ф. (2002). *Общность и общество. Основные понятия чистой социологии,*. М.: Владимир Даль.

Титаев К., Шклярук М. (2016). *Российский следователь: призвание, профессия, повседневность*, СПб.: Норма.

Уорнер У. (2000). *Живые и мертвые.* М.; СПб.: Университетская книга.

Фридман Б. А. (1897). *К вопросу о частной адвокатуре.* Вильна: Типография А. Г. Сыркина.

Шаров Г. (2011). *Статьи прошлых лет (об адвокатуре и не только).* М.: Юстиция.

Щепанская Т. (2010). *Сравнительная этнография профессий: повседневные практики и культурные коды (Россия, конец XX — начало XXI в.).* СПб.: Наука.

Элиас Н. (2001). *О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 1.* М.; СПб.: Университетская книга.

Bocharov T., Titaev K. (2017) *When Business Comes to Court». Sociology of Justice in Russia.* Oxford University Press (готовится к печати).

Brubaker R., Cooper F. (2000) Beyond 'Identity. *Theory and Society*, 29 (1): 1-47.

Burrage M. (1990). Advokatura: In Search of Professionalism and Pluralism in Moscow and Leningrad. *Law & Social Inquiry*, 15 (3): 433-478.

Conley J. M., O'Barr W. M., Lind E. A. (1979). The Power of Language: Presentational Style in the Courtroom. *Duke Law Journal*, (6): 1390-1391.

Freidson E. (1988). *The Profession of Medicine: Sociology of Applied Knowledge. With a new afterword by the author.* Chicago; London: The University of Chicago Press.

Gispen K. (2002). *New Profession, Old Order: Engineers and German society, 1815-1914*. Cambridge University Press.

Goode W. J. (1957). «Community within a Community: The Professions». *American Sociological Review*, 22 (2): 194-200.

Heinz J. P., Laumann E. O. (1982). *Chicago Lawyers: The Social Structure of the Bar: The Social Structure of the Bar*. Russell Sage Foundation.

Iossa E., Jullien B. (2013). The Market for Lawyers and Quality Layers in Legal Services. *The RAND Journal of Economics*, 43 (4): 677-704.

Kilian M. (2014). To Be a Lawyer or Not To Be a Lawyer, That is the Question: The German Federal Social Court's Views on In-House Lawyers. *Legal Ethics*, 17 (3): 448-453.

Lubet S. (2006). *Lawyers' Poker: 52 Lessons That Lawyers Can Learn From Card Players*. Oxford: Oxford University Press.

Luhmann N. (2004). *Law as a Social System*, Oxford: Oxford University Press.

Mather L. M., McEwen C. A., Maiman R. J. (2001). *Divorce Lawyers at Work: Varieties of Professionalism in Practice,* Oxford: Oxford University Press.

Merton R. (1958). The Functions of the Professional Association. *The American Journal of Nursing*, 58 (1): 50-54.

Merton R. (1968). *Social Theory and Social Structure*. Free Press.

Mertz E. (2007). *The Language of Law School: Learning to «Think Like a Lawyer».* Oxford: Oxford University Press.

Perrucci R., Gerstl J. E. (1969*). Profession Without Community: Engineers in American Society.* Random House.

Scheffer T. (2010). *Adversarial Case-Making: An Ethnography of English Crown Court Procedure.* Brill.

Schön D. A. (1983). *The Reflective Practitioner: How Professionals Think in Action*. Basic Books.

Susskind R. E. (2010). *The End of Lawyers? Rethinking the Nature of Legal Services*. Oxford University Press.

Thalacker, K. (2009). *The New Lawyer's Handbook: 101 Things They Don't Teach You in Law School*. Sphinx Publishing.

References

Blagodeteleva, E. (2013). *Grazhdanskaya identichnost' rossijskoj intelligencii v konce XIX — nachale XX veka* [Civil and Professional Identity of Russian Advokatura in the Second Half of 19-th — Beginning of 20-th Century]. N. A. Proskuryakova *Grazhdanskaya identichnost' rossijskoj intelligencii v konce XIX — nachale XX veka* [Civil identity of Russian Intelligentsiya in the End of 19-th — Beginning of 20-th Century], Moscow: Novii Chronograf: 163-201.

Bocharov T., Titaev K. (2017). When Business Comes to Court. M. Kurkchiyan, A. Kubal (eds.) A Sociology of Justice in Russia. Cambridge University Press (forthcoming).

Bourdieau P. (2001). *Prakticheskij smysl* [The Logic of Practice], St. Petersburg, Aletejya.

Brubaker R., Cooper F. (2000). Beyond Identity, Theory and Society, 29 (1): 1-47.

Burrage M. (1990). Advokatura: In Search of Professionalism and Pluralism in Moscow and Leningrad, Law & Social Inquiry, 15 (3): 433-478.

Bushmanov, I. (2015). *Znaki otlichiya rossijskogo advokata. Ot nagrudnyh znakov prisyazhnyh poverennyh v dorevolyucionnoj Rossii do sovremennoj simvoliki rossijskoj advokatury* [Insignia of Russian advocate. From Breast Badges of Russian Pre-revolutionary Sworn Attorneys to the Modern Symbols of Russian Advokatura], *Vestnik Federalnoy Palaty Advokatov*, 2, 270-276.

Conley J. M., O'Barr W. M., Lind E. A. (1979). The Power of Language: Presentational Style in the Courtroom, Duke Law Journal, 6: 1390-1391.

Elias N. (2001). *O processe civilizacii. Sociogeneticheskie i psihogeneticheskie issledovaniya. T. 1* [The Civilizing Process: Sociogenetic and Psychogenetic Investigations. Volume 1], Moscow; St. Petersburg, Universitetskaya kniga

Freidson E. (1988). The Profession of Medicine: Sociology of Applied Knowledge, Chicago; London: The University of Chicago Press.

Fridman B. A. (1897). *K voprosu o chastnoj advokature* [Towards the Question of Private Advokatura], Vil'na, Tipografiya A. G. Syrkina.

Gispen K. (2002). New Profession, Old Order: Engineers and German society, 1815-1914, Cambridge University Press.

Goode W. J. (1957). Community within a Community: The Professions, American Sociological Review, 22 (2): 194-200.

Heinz J. P., Laumann E. O. (1982). Chicago Lawyers: The Social Structure of the Bar: The Social Structure of the Bar, Russell Sage Foundation.

Iering R. (1905). *Yuridicheskaya tekhnika* [The Legal Technic], St. Petersburg.

Iossa E., Jullien B. (2013). The Market for Lawyers and Quality Layers in Legal Services, The RAND Journal of Economics, 43 (4): 677-704.

Karabchevskij N. (1902). *Okolo pravosudiya* [Around the Justice], St. Petersburg, Tipografiya T-va Pechati i Izdatel'stvo d-la Trud.

Kilian M. (2014). To Be a Lawyer or Not To Be a Lawyer, That is the Question: The German Federal Social Court's Views on In-House Lawyers, Legal Ethics, 17 (3): 448-453.

Lubet S. (2006). Lawyers' Poker: 52 Lessons That Lawyers Can Learn From Card Players, Oxford: Oxford University Press.

Luhmann N. (2004). Law as a Social System, Oxford: Oxford University Press.

Luk'yanova I. N. (2012). *Nekotorye teoreticheskie problemy dokazyvaniya v sude* [Some Theoretical Problems of the Proving in Court]. Bulakova, L. A. Voskobitova, M. R. Voskobitova (red.) *Advokat: navyki professional'nogo masterstva* [An Advocate: the Skills of the Professional Mastery], Moscow, Volters Kluver: 250-275.

Mather L. M., McEwen C. A., Maiman R. J. (2001). Divorce Lawyers at Work: Varieties of Professionalism in Practice, Oxford: Oxford University Press.

Merton R. (1958). The Functions of the Professional Association, The American Journal of Nursing, 58 (1): 50-54.

Merton R. (1968). Social Theory and Social Structure, Free Press.

Mertz E. (2007). The Language of Law School: Learning to «Think Like a Lawyer», Oxford: Oxford University Press.

Mrovchinski R. (2012*). Institucional'naya professionalizaciya yuristov v usloviyah gosudarstvennogo socializma i postsocializma: sravnitel'nyj analiz organizacij professional'nogo samoupravleniya v Pol'she i Rossii* [Institutional Professionalization of Lawyers in the Context of State Socialism and Post-socialism: a Comparative Analysis of the Professional Self-Government in Russia and Poland]. P. Romanov, E. YArskaya-Smirnova (red.) *Antropologiya professij: granicy zanyatosti v ehpohu nestabil'nosti* [Anthropology of profession: Edges of Occupancy in the Era of Instability], Moscow, OOO «Variant»; CSPGI: 99-117.

Pavlyutkin I., Yudin G. (2015). *Soobshchestvo kak dannost' i soobshchestvo kak process: strategii izucheniya malyh gorodov* [Community as a Given Versus Community as a Process: Strategies for Studying Small Towns], *Laboratorium,* 7 (3): 88-105.

Perrucci R., Gerstl J. E. (1969). Profession Without Community: Engineers in American Society, Random House.

Polani M. (1998). *Lichnostnoe znanie: Na puti k postkriticheskoj filosofii* [Personal Knowledge: Towards a Post-Critical Philosophy], Blagoveshchensk: BGK im. I. A. Boduehna de Kurteneh.

Sal'nikova E. V. (2012). *Desyatiletie. Praktika realizacii Federal'nogo zakona Ob advokatskoj deyatel'nosti i advokature v Rossijskoj Federacii* [The Decade. Practice of the Federal Law on Advocacy Application], Samara: Agni.

Scheffer T. (2010). Adversarial Case-Making: An Ethnography of English Crown Court Procedure, Brill.

Schön D. A. (1983). The Reflective Practitioner: How Professionals Think in Action, Basic Books.

Sharov G. (2011). *Stat'i proshlyh let (ob advokature i ne tol'ko)* [The Articles of Previous Years (on Advokatura and More), Moscow, Yusticiya.

Shchepanskaya T. (2010). *Sravnitel'naya ehtnografiya professij: povsednevnye praktiki i kul'turnye kody* (Rossiya, konec XX — nachalo XXI v.) [A comparative ethnography of the profession: everyday practices and cultural codes (Russia, the end 20th — the beginning of 21th century), St. Petersburg, Nauka.

Susskind R. E. (2010). The End of Lawyers? Rethinking the Nature of Legal Services, Oxford University Press

Thalacker, K. (2009). The New Lawyer's Handbook: 101 Things They Don't Teach You in Law School, Sphinx Publishing.

Titaev K., Shklyaruk M. (2016). *Rossijskij sledovatel': prizvanie, professiya, povsednevnost'* [Russian Criminal Investigators: a Calling, a Profession, and an Everydayness], Moscow, Norma.

Tönnies F. (2002). *Obshchnost' i obshchestvo. Osnovnye ponyatiya chistoj sociologii* [Community and Society: the Basic Concepts of Pure Sociology], Moscow, Vladimir Dal'.

Vas'kovskij E. (1893). *Organizaciya advokatury* [The Organization of Advokatura], St. Petersburg, N. K. Martynov.

Volkov V., Dmitrieva A., Pozdnyakov M., Titaev K. (2015). *Rossijskie sud'i: sociologicheskoe issledovanie professii* [Russian Judges: a Sociological Study of the Profession], Moscow, Norma.

Warner W. (2000). *Zhivye i mertvye* [The Alive and the Dead], Universitetskaya kniga.

Рекомендация для цитирования/For citations:

Бочаров Т. Ю. (2016) Адвокатская профессия как сообщество практики. *Социология власти*, 28 (3): 80-114.

Bocharov T. (2016) Advocates' profession as a community of practice. *Sociology of power*, 28 (3): 80-114.